

// Brain Res. Mol. Brain Res. – 1995. – Vol. 31. – P.122-130.

28. Glick S.D., Ross D.A. // Brain Res. – 1981. – Vol. 205, №1. – P. 222-225.

29. Kita M. [et al] // CR Séances Soc. Biol. Fil. – 1993. – Vol. 187, №3. – P. 414-419.

30. Kohm A.P., Sanders V.M. // Pharmacol. Rev. – 2001. – Vol. 53, №4. – P.487.

31. Peng H. [et al] // Life Sc. – 2004. – Vol. 76, №3. – P. 263.

32. Quan N., Whiteside M., Herkenham M. // Neuroscience. – 1998. – Vol. 83, №1. – P. 281-293.

33. Qiu Y.H., Peng I.P., Wang J.J. // Sheng Li Ke Xue Jin Zhan. – 2003. – Vol. 34, №4. – P. 303.

34. Schobitz B. [et al] // Neuroendocrinology. – 1994. – Vol. 60, №2. – P.124-133.

35. Weiss J.M., Sundar S.K. Neurobiology of cytokines / Ed. B. De Sousa. N.Y. – 1993. Pt. B. – P. 185-208.

36. Wessler I. [et al] // Life Sci. – 2003. – Vol. 72, №18-19. – P. 2055.

Кононова С.К.

ЕВГЕНИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА И МЕДИЦИНСКАЯ ГЕНЕТИКА (часть I)

Из истории евгеники

Термин «евгеника» произошел от греческого *eugenes*, что значит породистый, благородного происхождения. Различают евгенику позитивную - политику, направленную на получение потомства с улучшенными генетическими качествами, и негативную - политику, направленную на недопущение рождения детей с генетическими аномалиями. Сама идея улучшения человеческой природы высказывалась еще со времен государства Спарты (отсюда существует выражение «спартанское воспитание») и в трудах древнегреческого философа Платона, в его трактате «Государство».

Основателем классического евгенического учения считается естествоиспытатель и антрополог Фрэнсис Гальтон (1822-1911), основные положения его теории об улучшении наследственного здоровья изложены в труде «Наследственный гений, его законы и следствия» [1]. Для популяризации своих евгенических идей Гальтон составил модель утопического государства «Cantsaywhere», основанную на «научном» контроле населения. В модели Гальтона евгенический контроль возлагался на «коллегию» специалистов, которые, пользуясь специальным «метрическим» методом, должны были оценивать наследственные физические и психические качества индивида. Окончательный вердикт коллегии, после подсчета всех плюсов и минусов, выглядел как «пригоден» или «не пригоден» к размножению. Лица, не выдержавшие «экзамена», могли содержаться государством до тех пор, пока они соблюдали запрет на потомство. Нарушители запрета должны были эмигрировать из страны. Принудительной сегрегации подлежали только душевнобольные, чтобы оградить от них остальных граждан. Прогнозирование

наследственного статуса остальных граждан, согласно Гальтону, носило характер «статистической определенности», поэтому рождение ребенка «непригодными» родителями рассматривалось как евгеническое преступление даже в том случае, если ребенок оказывался вполне нормальным. Такие меры, считал Гальтон, превратят искусственный отбор в достойный противовес действию цивилизации: «То, что природа делала слепо, медленно и жестоко, следует делать прозорливо, быстро и мягко» [1,5].

Евгенические научные взгляды быстро развивались в европейских странах вплоть до начала II мировой войны, причем в некоторых цивилизованных государствах были приняты активные практические действия в соответствии с их законодательством. В статье «Евгеника: основатели и продолжатели» Ю.В. Хен [6] приводит в качестве примера программу расовой гигиены доктора Мьёена из Норвегии (1908 г.). Она состояла из трех частей: негативных, позитивных и предупредительных евгенических процедур. Отрицательная расовая гигиена предусматривала сегрегацию и стерилизацию. Сегрегации подлежали слабоумные, эпилептики и вообще физически и духовно пораженные лица; та же мера рекомендовалась в качестве обязательной для пьяниц, «привычных преступников», профессиональных нищих и всех, кто отказывался работать. Стерилизацию предлагалось применить к тем из приведенного выше перечня, кто уклоняется от сегрегации. По мнению автора, доктор Мьёен в выборе объектов для негативной евгеники руководствовался вовсе не современной ему наукой, а вполне понятной на обывательском уровне неприязнью к больным, тунеядцам и преступникам. Его рекомендации по позитивной расовой гигиене включали такие пункты, как биологическое просвещение, изменение системы налогов, измене-

ние заработной платы в зависимости от ценности производителей, защита материнства и детства, положительная политика народонаселения [5]. Шведская программа стерилизации появилась в 1922 г., в 15 штатах США принудительная стерилизация широко практиковалась с 1907 по 1930 г.

Однако поспешность, с которой евгеника стремилась осуществить свои проекты, и, главным образом, несостоятельность ее теоретиков доказать свои умозаключения дискредитировали евгенику как науку. Очень точно выразился по этому поводу корреспондент журнала «Русское богатство» Н.В. Шкловский (под псевдонимом Дионео): «Каждый «евгенист» исходит из положения, что он - «приспособленный», а потому имеет право производить над своими ближними самые дикие, самые жестокие и совершенно бесцельные эксперименты... В лучшем случае евгеника представляет собою классический пример того, как люди скрывают свой ум ими же придуманной доктриной» [2, 6]. Окончательное отвращение общественности от идеи усовершенствования человеческой породы произошло после полномасштабных акций по эвтаназии неполноценных в 1939-1942 гг. в Германии, где евгеника стала частью официальной идеологии правящего национал-социалистского режима [5].

Неоевгеника и медицинская генетика: есть повод задуматься

С середины XX в. все большее значение стала приобретать область медицины, называемая клинической генетикой. Изучая проблемы соотношения науки и идеологии в евгенике С.А. Цоколов [7] пишет касательно медицинской генетики: «Родившись как узкая специализированная дисциплина, занимавшаяся изучением, лечением и профилактикой наследственных заболеваний, медицинская генетика во многом стала понятием,

альтернативным гальтоновской (главным образом, позитивной) евгенике, очищенным от всякого рода мировоззренческих и идеологических наслоений». Однако по мере своего развития, по мнению автора, медицинская генетика столкнулась с той же социальной проблематикой, которую до нее пыталась решить евгеника. С началом проведения медико-генетического консультирования населения, а в дальнейшем и широкомасштабных скрининговых программ, выяснилось, что отказ от терминов «евгеника» и «расовая гигиена» сам по себе не решил социальных, психологических и морально-этических проблем, порождаемых биологическим вмешательством в наследственность человека. Более того, благодаря совершенствованию лабораторных технологий и популяционной методологии, когда практика медико-генетического консультирования от обслуживания отдельных единичных семей стала переходить к массовым мероприятиям, вновь стали актуальными вопросы и проблемы, поставленные в начале века в рамках именно евгенического движения. Таким образом, внутри медицинской генетики помимо научно-теоретических концепций и подходов сформировалась область медико-генетической социологии, во многом представляющая собой не что иное, как одно из направлений современной евгеники [7].

По мнению П.Д. Тищенко, реанимация идей евгеники начинается в 90-х гг. XX в. в результате грандиозных достижений биомедицинской науки и генетики [3]. Возникло новое понятие «либеральная евгеника». Анализируя это явление, философ Юрген Хабермас полагает, что в отличие от традиционной, либеральная евгеника в качестве предмета своего воздействия имеет не генофонд нации, а геном отдельного человека (родительский и/или ребенка). Локализация евгенического воздействия на уровень отдельного генома и даже конкретного гена создает предпосылку для евгенической политики, в которой главную роль сможет играть не государство, а пара потенциальных родителей или даже отдельный индивид, пожелавший создать свою улучшенную копию методом клонирования. На место централизованного планирования генетических качеств будущих поколений встает индивидуальный выбор и покупка евгенических услуг для совершенс-

твования генома будущего ребенка в «генетическом супермаркете». Иными словами, смысл «либерализма» нового типа евгеники в ее ярко выраженном акценте на свободу потребительского интереса и идеологию рыночного общества [3, 4]. Таким образом, пишет Хабермас: «Как только потомки начнут сознавать себя в качестве изделий, то возникнет возможность, что они могут потребовать отчета от создателей своих геномов, возложив на них всю ответственность за нежелательные, с их точки зрения, последствия исходного органического состояния истории их жизни». Причем потребовать отчета не только в моральном, но и в чисто правовом и даже финансовом смысле. Хабермас отмечает: «Эта новая структура ответственности возникает вследствие стирания границы между людьми и вещами - точно так же, как это происходит сегодня в случае с родителями ребенка-инвалида, которые, прибегая к гражданскому иску, делая врачей ответственными за материальные последствия ошибочного пренатального диагноза, требуют «компенсации за причиненный ущерб», как будто появившийся вопреки ожиданиям медицины органический ущерб можно компенсировать таким же способом, как это происходит с любой сломанной вещью». Тем самым между людьми возникает генетически опосредованная, вещно представленная зависимость, в основе которой лежит необратимое евгеническое решение родителей или даже одного «родителя» в случае изготовления детей на заказ из материалов донорской спермы и/или яйцеклеток, а также в случае репродуктивного клонирования [4].

Ю.В. Хен приводит цитату из теоретического труда Адольфа Гитлера «Mein Kampf», где звучат такие строки: «Те, кто нездоровы физически или умственно, не должны увековечивать свои страдания в телах собственных детей. Посредством образования государство должно учить граждан тому, что болезнь — не позор, а несчастье, достойное сожаления, но в то же время, позорно и преступно увеличивать несчастье, передавая его невинным созданиям из чисто эгоистических побуждений» [5]. Возможно и в наши дни смысл этого высказывания в разных интерпретациях могут услышать семьи с наследственными заболеваниями, обратившиеся за консультацией в медико-генетическую службу.

Германия показала миру, чем может обернуться для человечества практическая евгеническая программа, если получит государственную поддержку. Первая масштабная попытка решения проблемы вырождения человечества средствами науки провалилась, причем столь очевидным образом, что и до сих пор генетики стесняются признаваться в евгенических склонностях. Но путь, пройденный Германией, нельзя считать уникальным, специфическим проявлением «национального характера». Другие страны очень близко подошли к черте, отделяющей отвлеченное теоретизирование от реального и необратимого вмешательства в частную жизнь граждан. Евгенические идеи живучи и сегодня они вновь приобретают популярность в связи с серьезными успехами геномных исследований [3, 5]. Исходя из горьких ошибок прошлого, в развитых странах продолжается обсуждение и очерчивание границ применимости генетических и репродуктивных технологий (ДНК-тестирования, пренатальной диагностики, ЭКО) в практической медицине, и во главу угла ставятся права личности, а не потребности общества. В любой тоталитарной стране, где интересы государства объявляются приоритетными, генетические программы становятся обязательными к исполнению, а это неизбежно приведет к нарушению прав человека и дискриминации по генетическим характеристикам.

Литература

1. Гальтон Ф. Наследственность таланта, ее законы и последствия / Ф. Гальтон. — М., 1996. С. 5 (Репринт издания 1869г.)
2. Дионео. Из Англии. Звериная психология // Русское богатство. — 1912. — № 10. — С. 322-323.
3. Тищенко П.Д. Новейшие биомедицинские технологии: Философско-антропологический анализ [Анализ идей либеральной евгеники Ю. Хабермаса] / П.Д. Тищенко // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире. — М.: Наука, 2004. — С. 309-332.
4. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы: На пути к либеральной евгенике? / Ю. Хабермас. — М.: Весь мир, 2002. — 144 с.
5. Хен Ю.В. Евгеника: Основатели и продолжатели / Ю.В. Хен // Человек. — 2006. — № 3. — С. 80-88.
6. Хен Ю.В. Неизвестные страницы российской евгеники / Ю.В. Хен // Вестник Российской академии наук. — 2006. — Т. 76, № 7. — С. 661-667.
7. Цоколов С.А. Проблема соотношения науки и идеологии в евгенике: автореф. дис. канд. филос. наук / С.А. Цоколов. — М., 1995. — 25 с.